

Елена Шубаева-Петросян

ОХОТА НА ТУМАНЫ

Записки из русской деревни

aegitas

Елена А. Шуваева-Петросян

Охота на туманы. Записки из русской деревни

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41485260

Охота на туманы. Записки из русской деревни: Aegitas; Москва; 2019

ISBN 978-1-77313-997-5

Аннотация

Большой Морец – село в Волгоградской области, не такое большое, как в стародавние времена, но и не маленькое. Здесь автору этих записок посчастливилось не только родиться, но и провести лучшие годы своей жизни. И когда я стою перед выбором – Мир или Морец, всегда выбираю Морец, ибо через него открывается весь Мир и к нему ведут все дороги. В сборник вошли смешные и грустные, но добрые и светлые истории, которые имели место в селе под названием Большой Морец.

Содержание

В поезде на Морец	6
Попутчик	10
Я вернулась	15
Математика страшнее смерти	17
В деревне Бог живёт не по углам	19
Босиком	21
Тайны старого сундука	22
Вишнепад	24
Род и Дом	26
Бегемотовая белочка	27
Как баба мужа с кобелём перепутала	30
Молочная песня для Маши	31
Охота на туманы	32
Бобр или бобёр?	34
Три разноцветных луны для меня	37
Цыплят по осени меняют	38
Папин гараж	39
Для вдохновенья	40
Клоунесса и вертихвостка	41
Опростоволосился	42
Папин чай	43
Экскурсовод Настя	44
Сельская драматургия	45

Как папа учил меня есть хлеб	46
Витька готовит «волшебно»	47
Если я кукукнусь...	48
Старьёвщик	49
Дом с солнышками	50
Отец и море	51
Сокровища	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Шуваева-Петросян
Охота на туманы. Записки
из русской деревни

© Дизайн обложки Елена Широкова @eleneshirokova,
2019

© Издательство «Aegitas», 2019

В поезде на Морец

Уже много-много лет поезд Москва-Камышин-Волгоград отправляется из Москвы в одно и то же время. 14.15... Только сейчас есть два поезда: Москва-Камышин, который проезжает через станцию «Морец», и Москва-Волгоград. Их платформы рядом и отъезжают они с разницей в пять минут.

Этот поезд, сумасшедший поезд, который прорезает города, села, раздвигает леса, снова уносит меня. И я снова сижу одна, смотрю в окно и кого-то люблю. Хотя по сути я всю жизнь одного человека, которого придумала там, откуда уехала и куда сейчас возвращаюсь.

«Твоя вишневая девятка, она с ума меня свела»... «Фаина, Фаина, Фаина, Файнана...» «Белые розы, белые розы, беззащитны шипы»... «Лёха, Лёха, мне без тебя так плохо»... Варёные яйца, помидоры, огурцы. Газеты, кроссворды, любовные романы. На перронах старушки с пирожками и баночками малины в детских колясках. Ничего не изменилось! Даже песни. Прежний поезд уносит в милое прошлое. Нет, кое-что всё-таки изменилось: сейчас поезда не зелёные, а серо-красные... Хотя... первые два вагона, общие, до сих пор в старом цвете и также мрачны: там едут те, кто не может себе позволить билет даже в плацкарт, не говоря уже о более комфортном купе. Сейчас в поездах не курят и не пьют. Но бабуля, которая спала подо мной на нижней полке, всё-таки

умудрилась спрятать запазухой сигаретку и покурить в туалете: ей трудно спускаться по крутым ступеням на платформу, один раз я помогла заядлой курильщице выйти на долгой остановке в Мичуринске, но ведь затянуться хочется чаще...

Русские любят дороги, легко переносят большие расстояния. Сутки на поезде – это вообще ерунда. В поездах русских, неважно какого пола, объема и веса, не пугают вторые полки. Взбираются все! На третьих, которые для багажа, сейчас никто не спит. А я когда-то спала. В студенческие годы, которые пришлись на тяжёлые 90-е.

Никто не падает с верхних полок. Появились барьеры безопасности. Боковая верхняя полка для меня (171 см) мала, но с неё удобно наблюдать за всем коридором. Раньше для меня дорога была для общения, сейчас все больше хочется молчать, слушать, наблюдать.

У женщин бывает несколько раз возраст, когда бесстыдство не считается таковым. В детстве, когда не стыдно юбочку задирать, ходить в трусиках. И в том состоянии, в котором впрочем и возраст не важен, когда отекаешь жиром и на тебя никто не смотрит как на женщину. Попутчица ждала очереди в туалет. Тяжело дышала с душным вагоном, потом взяла и стянула с себя блузку, потом брюки, надела пижаму. Никто ничего не заметил.

У русского человека всегда есть с собой соль. В коробочке из-под спичек. В баночке из-под валидола. Почти никогда Русские не носят соль в пакетиках или бумажных кулечках:

боятся просыпать. Просыпать соль – к ссоре с кем-то.

Чем дальше от Москвы, тем меньше люди говорят о Путине, почти никогда о Навальном и уж тем более никогда о Собянине. Все больше – о холодной весне, о картошке (не была бы водянистой, столько дождей выпало!), клубнике (не сладкая, солнца было мало!)... Любят свой Дом. С любовью говорят о саде и огороде.

Кажется, сейчас не случаются романы в поезде. Даже к молоденькой проводнице никто не пристаёт. (Может, потому, что никто не пьёт...)

В поезде особенно заметно, что несчастливые пары некрасиво стареют.

Отчего в поезде становится так больно. Будто жилы вытягивает своим скрипом-воём поезд... вскрывает все былые раны, воскрешает прошлое... время бессильно... психологи бессильны... ты будто даже боль своих предыдущих жизней переживаешь. Да, становится пронзительно больно, когда он начинает ход: колёса ещё не стучат – они скрежещут, скулят, протяжно и тоскливо, будто сопротивляясь движению, но их что-то тащит, волочёт, заставляет всё быстрее и быстрее бежать. И вот, они уже бегут, иногда даже подпрыгивают. И вроде бы забывают о тяжести. До следующей станции. До следующей остановки. Воспоминания, расковыривание болячек и сравнительный анализ привели к выводу: когда бывало очень плохо, садилась в поезд (и чем длиннее путь, тем лучше), когда хорошо – в автобус или самолёт, боясь растра-

тить часы счастливой жизни на железной дороге...

Проезжаю особую полосу, когда время идёт вразрез, вопреки. По идее, я должна была выйти из поезда десять минут назад, но саратовская область живёт по своему времени, а я живу на границе саратовской и волгоградской. Вот и получается, что сойду с поезда в волгоградской области, но по саратовскому времени – минус один час. Многие спящие этого и не заметят. А мне подарен лишний час.

Ну вот, я и в Большом Морце! Слава Богу, что уже не в том возрасте, когда вываливалась из вагона на руки папе и маме, чтобы они утешили свою дочу. Я стала взрослой и сильной. Я сама и рельсы, и шпалы, и колёса – да и вообще весь железный состав, но не зелёный и даже не серо-красный, а всех цветов моей замечательной жизни...

Попутчик

Находясь в поре студенчества, что пришлась на 90-е годы, я часто ездила домой из Москвы в общем вагоне. Ну что, что сутки без всяких условий и, может быть, стоя или сидя на чьих-то баулах, за то люди там беднее, но проще, душевнее и разговоры интереснее – откровенные, о жизни. Такое попутчики понараскажут, что никакому ток-шоу во сто лет не выдумать.

Зима. Несколько часов до отправки поезда. Я бродила по опустевшему городу с зажатыми в кулаке десятью рублями. Хотелось плакать: возможно ли на эти деньги купить подарки маме, папе, брату, сестре? Конечно, они не ждут подарков, они ждут меня... Но всё равно... так хочется... Мысли свинцовы. На мне шуба из гималайского волка, но в одном кармане прореха, а другом пупсик в платянице, которое я сшила в первом классе. Шуба – не показатель достатка. Дядя подарил – тёте новую купили. Весь мой багаж со мной, в пакетике. Поеду-ка лучше на вокзал... не за чем душу терзать, проходя мимо красочных витрин с огоньками и дедморозиками. Сяду в поезд, а там... чуть больше суток – и дома, где готовится утка с яблоками, пахнет блинами, мандаринами и шоколадными конфетами. И ёлкой, настоящей ёлкой, которую папа накануне из леса привёз... на санях. Грязно-снежная каша противно облепила сапоги. А у нас там, на краю

света, снег – бел и скрипуч, воздух – прозрачен и ароматен, небо – выше и чище. Прочь, прочь отсюда. Увези меня, поезд!

Посадка только объявлена, а первый вагон был уже забит до отказа – перед Новым годом все спешат домой. Крики, ругань, неизменный запах селёдки и водки – кто захватил себе сидячее местечко, уже успел столик накрыть и откупорить бутылку. Мужичок, щупленький, потрёпанный, в фуфайке, по-джентельменски подвинулся, приглашая к столу:

– Садись, доча! Потеснимся – не помрём...

– Спасибо! – сказала я, благодарно улыбаясь.

– Попробуешь сэма? Или... нет, мала ещё. Мы тебе «Рябиновой» плеснём.

Пить было противно, но нужно отдать дань гостеприимству. Попутчик руками почистил «мундир», порезал огурчик. Налил в жестяную кружку вспенившийся приторно-сладкий крепкий чай. Не отказалась от угощения: голодна.

Не заметила, как поезд дернулся и устремился в голубую даль. Кто-то там, за окном, плакал, махал руками, что-то кричал на прощание. В вагоне стало жарко от топки и многолюдности. Щёки горели то ли от жары, то ли от выпитого. Я сняла «волка», повесила на крючок на стенке. Мужик тараторил, тараторил, я не всё улавливала, но основное поняла – тюремник он, отбыл свой очередной срок, едет домой. На долго ли? – не знает. Но что есть дом, где никто тебя не

ждёт?!

– А ты давай, приезжай ко мне с родителями, с друзьями, живите у меня, сколько хотите. Адресок запиши...

Я вытащила ручку и листок. Записала. Не знаю, из вежливости или просто так. Или хотелось дать пожилому человеку надежду, что он не будет одинок в этом мире. Приехать я, может быть, и не приехала бы, но решила отправлять по адресу к праздникам открытки.

За что сидел – язык не поворачивался спросить. Он, уловив мою мысль, сказал:

– Когда-то я был часовых дел мастер. Потом попался на воровстве отсидел, а потом снова и снова... И в тюрьме чинил часы. Ведь часы – это такая штука... как наш внутренний двигатель. А как радостно мне, когда они молчат, молчат, стрелки повисли, а потом – тик-так, тик-так, тик-так... И жизнь вернулась...

Значит... вор? Но стоит ли из-за этого презирать человека? Я продолжала сидеть рядом с ним. Мужик замолчал, хмель начал одолевать его, глаза затуманились. Он задремал. Чужой сладкий сон так заразителен. Да ещё дорога – длинная, нудная... Сквозь объятая ресниц было видно, как суетились люди, ходили туда-сюда, проводница объявляла станцию, кто-то ругался, пищали дети... А вот с детьми в таких вагонах не стоит ездить, жалко их, малюток, – думалось мне. И... я бегу, бегу по ослепительному снегу, снежинки вальсируют и падают мне на лицо, я смеюсь, так заразительно,

что деревья начинают перешёптываться и скрипуче подсмеиваться надо мной. Я падаю в сугроб, встаю, снова падаю... и смеюсь... Вот оно – счастье! Такое же хрупкое, как снежинки.

– Ах ты, сволочь такая! Да как же тебе не стыдно-то, у девчонки-то... Да я ж тебя сейчас размажу по этой стене! – ворвался в моё сознание крик, и я проснулась.

– Что, что происходит?

– Да эта морда цыганская шубу-то твою – в сумку и понесла... Еле отобрал...

Я почувствовала растерянность, почему-то взяла шубу, надела и села... молча...

На станции меня встречали мама и папа. Я вывалилась в их объятия. Говорили, говорили, говорили, от радости всё перемешалась в голове. Поезд проревел и тронулся. Я вздрогнула, посмотрела на окна – он, потрёпанный и мрачный, махал мне рукой. Махал так трогательно-робко, как ребёнок. Почему «как»? В тот день он был новорожденным шестидесятилетним ребёнком в этом мире. И впереди – чистая гладь жизни... «Напиши что-нибудь... но не ставь кляксу...» – подумала я.

Папа взял мой пакет, и мы пошли к «узику». Машина фыркнула и завелась. Десять минут до дома.

После расцеловываний-обниманий, я решила разложить свои пожитки. Платье... свитер... книга... часы... часы...

часы... ещё часы... В кармане шубы – часы... часы... часы...
Часы?!

Приложила к уху – тик-так, тик-так, тик-так... Все часы
были заведены – жизнь продолжалась.

* * *

Мне посчастливилось родиться в Великой стране. В стране Великих людей. В стране Великих рек. В стране Великих степей. В стране Великих лесов. Мне посчастливилось впитать любовь к родной земле так рано, что я никогда не помышляла от неё оторваться. И даже годы, проведённые в Армении, не сделали меня ни на каплю меньше Русской, чем я была двадцать лет назад. Да и Армению я бы так не полюбила, если бы во мне было мало русской открытости и великодушия.

Каждое лето я старалась проводить в родном Большом Морце – в источнике моей жизненной силы... Я, как никто другой, знаю, как может чахнуть человек без Родного Дома... И никогда, никогда в жизни я не стеснялась того, что родилась в деревне, в Русской Деревне. О чём я ещё сегодня думаю? О том, что Родина – это не только то место, где ты родился, но и где ты хотел бы умереть, сплестись через корни старых деревьев на кладбище со своим Родом...

Я вернулась

Только в родной деревне, которая когда-то казалась мне такой огромной, я заметила, как выросли мои дети. Дом стал меньше. Улицы стали уже. Степи обрели края. А дети, мои маленькие дети, стали больше. Они сидят с друзьями на скамейке, что-то обсуждают, смеются, я смотрю на них издали и не узнаю. Ещё недавно я там же и так же сидела... А теперь я стою поодаль и будто смотрю на себя со стороны...

* * *

Так естественно и непринуждённо тут хочется лечь спать в 22.00 и проснуться в 5.00. Как все. Правда, зачастую мой график сбивается: мне хочется в родной деревне видеть день, вечер, ночь и утро. Поэтому сплю я в Морце по настроению.

С утра пробежали с Машей и Кристиной шесть километров по селу и лугам. Люд повываливал из домов: «Ты гляди, эт кой-то такие бягут?» Не признали земляков! Потом брат объяснил: люди тут просто так не бегают – только в том случае, если что-то сп...дили или от п...дюлей по разным причинам, в том числе и когда что-то сп...дили.

Обратно дочек гнала крапивой: бежать не хотели, а от кра-

пивы летели как угорелые.

А вечером у нас был маленький велопробег в пять километров – до берёзок, берёзовой рощицы, и обратно. Поискала на берёзках знакомые имена. Деревья стоят, а некоторых людей, оставивших метки, давно нет в живых... Не долго здесь людской век. Вспомнились российские трассы: на обочине повсюду могилы. Спросил ли кто этих ребят, хотя они лежать там, где настигла их смерть?! И покоя здесь нет...

...Витька, сын моего брата, собрал веточки, чтобы в следующий раз мы построили свой шалашик. И пожили в нём, хотя бы денёк. Берёзовая роща одарила запахом школьных походов...

Математика страшнее смерти

Возвращаешься на школьный стадион через двадцать лет после окончания школы, нарезаешь себе круги, вспоминая соревнования и читая старые надписи: «Слава участникам спартакиады», «В здоровом теле – здоровый дух». Солнце клонится к закату, а ты всё бежишь, бежишь, бежишь... И вдруг на твоём пути возникает женщина с косой, довольно-таки аппетитная для той, костлявой. Ты тормозишь, растерянно бормочешь: «Здравствуйте, Вера Васильевна!» (перед тобой самая «страшная» женщина – учительница математики!), ловишь себя на том, что пытаешься вспомнить, выучила ли урок, чтобы иметь право растрачивать свой вечер на спорт... Потом замечаешь, что Вера Васильевна тоже смущена – Господи, она так же краснеет, как и двадцать лет назад!!! – думает о том, что ученица застала её не в костюме – а в халате и с косой...

* * *

Ночное небо с россыпью звёзд. Мои дочери Маша и Кристина лежат на покрывале во дворе, долго всматриваются в чёрное полотно, испещрённое перемигивающимися алмазами. Потом обе резко вскакивают и с криками убегают. «Мы

так долго смотрели в небо, что оно начало смотреть в нас и засасывать!» – объясняют мне.

В деревне Бог живёт не по углам

Мир моего детства был наполнен суевериями, приметами и деревенской магией во всех смыслах этого слова, хотя здесь Бог живёт всюду, как сказал Бродский. Деревня учит видеть мир по-другому. К примеру, выходишь ночью за порог – и сразу взгляд на небо: молодой месяц стоит на рогу – к дождливой погоде, луна «окольцована» туманностью – к суровому холоду. А по утречку присматриваешься к солнцу: восходит в тумане – к душному дню, если сильно жарит, вечером точно дождь будет. Я была то ли самостоятельным, то ли очень одиноким ребёнком – вроде со всеми и в то же время одна. Очень любила сидеть и «гутарить с бабками», от которых получила «народные» знания. Я даже не подозревала, что эти знания так глубоко во мне засядут и будут всплывать тогда, когда это необходимо. Никогда не иду в лес, не прочитав заговор от змей и клещей. По утрам смываю плохие сны. Моя бабушка не слыла знахаркой, но всем внукам заговаривала разные болезни. Бывало, появится на глазу ячмень – баба Маша пошепчет, поплюёт в глаз, а к вечеру ячменёк рассосётся. Этот шёпот до сих пор звучит у меня в ушах. Другая бабушка «отговаривала» людей от страхов. Я всё просила её «отговорить» мои страхи, но она всегда гнала меня. А я так боялась тёмных углов, шевелящихся занавесей и больших пространств. Мир был таким огромным, а я ма-

ленькой. Если я слышала детский крик «ма-а-а-а-ма» изда-
лека, мне казалось, что этот ребёнок заблудился в мире и его
крик слышен во всей Вселенной. Я до сих пор боюсь спать
одна в тёмной комнате.

Босиком

Русская деревня. Здесь всё: чернозём, песок, степи, курганы, ветра. Мои ноги хорошо помнят эту землю. Холодную сверху и горячую при погружении, когда земля хранит в себе жар вчерашнего дня. Эта земля горит в моём сердце. А совсем недавно я босиком неслась по раскалённому ереванскому асфальту. Зрелище, конечно, потрясающее: прилично одетая женщина – и почему-то бежит босиком. От кого? Почему? Армяне – очень равнодушные люди, поэтому им нужно знать всё. А я не могу остановиться и объяснить – уж слишком горяч ереванский асфальт! Порвалась босоножка. Решила снять обувь и побежать, как в детстве. Тем более что живу недалеко от Дома печати. Но, видно, погорячилась...

Тайны старого сундука

Я – один из позитивных отпечатков людей, смотрящих на меня с негативов в виде стеклянных, очень хрупких пластин; не дай Бог уронить или посильнее нажать – разбегутся трещины по их лицам, разъединят их тела, расцепят руки, и не будет мне прощения... Они смотрят на меня из тёмной пучины лет, я дарю их глазам сегодняшнее голубое с белыми облаками небо...

...В старом сундуке сверху лежал семейный помянник. Маленькая пожелтевшая книжечка с именами усопших. Едва открыв сокровищницу, я, можно сказать, равнодушно отложила его, в предвкушении бóльших тайн. Негативы. Пластинки. Книги. Одежда. Обувь. Фотография. Снова негативы. Книги. Письмо от одного из сыновей. Пересмотрела всё. Перечитала всё. Кое-что примерила. Сложила обратно. В руках остался помянник... Господи! И только в этот миг я прозрела, почему он лежал сверху: открыл – помолись за нас! Какой же заботливой рукой был уложен этот сундук лет тридцать пять назад... Как давно никто не молился за этих людей! Давно прервался благочестивый обычай... Имя хранительницы сундука – Анна («бабка Анютка», как я говорила в детстве, часто бегала к ней «погутарить», у неё я засиживалась в сарае, играя с котятками; и сейчас – там кошка с приплодом). Последнее имя в помяннике – Алексей – её

муж. После него ушла она...

Вишнепад

Небесное шоу со звездопадом неожиданно завершилось. Смущённо зарделся рассвет, будто темнота, уходя, обнажила что-то потаённое, интимное.

В это утро мне не хотелось спать. Нестерпимое желание пробежаться по утренней росе, охлаждающей ноги до ломоты костей, завязнуть в податливой отдыхающей пашне, которая хранит в себе тепло вчерашнего солнца, и потом снова погрузиться в росные травы, чтобы омыть грязные ступни, не давало покоя.

Деревня ещё спала. Лишь где-то на окраине подавал голос старейший из петухов и лаяла загулявшаяся собака. Подхватив подол юбки, я побежала в старый бабушкин сад, который плавно перетекал в молодую посадку, затем в бахчевое поле, луга для покоса и упирался в реку, на берегу которой папа посадил вишни. Сколько длилось моё сумасшествие, я не помню, но, вдоволь набегавшись, я упала в траву под молодой, усыпанной кровинками, вишней, свесившей надо мной свои тяжёлые ветви. И – о, чудо! Небо закружилось у меня перед глазами, затем будто распахнулось и замерло. На мгновение установилась оглушительная тишина. И вдруг с неба упала сначала одна вишенка и звонко плюхнулась в сонную воду. Потом – другая, третья... Почему я раньше, когда жила в деревне, не знала, что сезон звездопада совпадает с виш-

непадом?!! И тогда я почувствовала, что целый год в городе буду скучать именно по этому мгновению и захочу его снова поймать.

Род и Дом

Дом... Старый бабушкин Дом... Это святое место, ибо только здесь я чувствую неразрывную связь с Родом. Дверь с обшивкой. Старая кровать. Старый шкаф. Потемневшая от времени со светлым ликом икона. Мощные дубовые половицы. Почерневший от пожара пятидесятилетней давности потолок. В потолке крюк, на котором некогда висела люлька. У бабушки было четырнадцать детей. В этом Доме особый запах, которым было пропитано моё детство. Приезжая домой, я первым делом иду в Старый Дом, чтобы поздороваться с ним. В минуты смятения и принятия важного жизненного решения я тоже там.

* * *

Валяюсь в шелковистой траве в саду. Небо в яблоках – яблочный белый налив прозрачен. Позвоночником чувствую пульс земли. Я сильна. И с каждой минутой становлюсь всё сильнее и сильнее. Городское истощение уходит в прохладную землю.

Бегемотовая белочка

Уже который час Фёдор, вообще никакой, бродил по осеннему лесу, лениво шурша жёлтыми листьями и наслаждаясь ароматом прения. Мужик, можно сказать, сбежал из дому. Натянул портки на залубенелые ноги, схватил фуфайку, снял с гвоздя в сарае ружьишко и отправился старыми тропами, чтоб жена не приставала со своим «наказанием нерадивого мужа». Вчера засиделся с друзьями за столом с бутылью самогона и сковороденью жареной картошки. Сидели до утра, спорили о том, что в фильмах как-то неправдиво показывают самогон: там он всегда мутный, а в реальности – он прозрачный, как слеза младенца, его ж для очистки по несколько раз перегоняют. Спорили и дегустировали. Спорили и дегустировали. А с утра Катька зажужжала: завязывать надо, а Федор огрызался: «Я ещё и не начинал!» «Ага, а кто возвращался домой так, что улица казалась узкой!» – не успокаивалась жена.

В детстве, бывало, скажет отец: «Федька, а пойдём-ка с тобой в лесок, я тебе такие тайны покажу!» Мальчишка заворожённо слушал отца и верил. И действительно: каждый камень, каждое деревце и каждая травинка делились с ними своим сокровенным.

Шу... Хрысь... Хры-ы-ысь... Фёдор остановился в берёзовой рощице и обернулся к бору, который начинался прямо

за ней. «Кабан, видать», – спокойно подумал мужик, даже не пытаясь снять ружьё с плеча; ну и что, кабан желуди шукает, пройдёт мимо. Но не тут-то было: между белыми стволами выплыл... бегемот. «Ёксель-моксель, – вскрикнул мужик. – Вот те на – допился!» Ну ладно б белочка, а тут целый бегемот в русской деревне, среди русских берез!

Встреча озадачила и бегемота – он застыл, как истукан в степи. Мужик медленно развернулся и пошёл, не оборачиваясь, чтоб эту невидаль вообще не видеть и не думать, что свихнулся на старости лет. Когда же он вышел к деревне, встретил своих вчерашних собутыльников. Обрадовался встрече с людьми.

– Ты бегемота не видел? – набросились собутыльники на Федьку.

Глаза у Федьки округлились от удивления:

– Так вы тоже видели? Значит, не только меня накрыла бегемотовая белочка?

– Какая бегемотовая белочка? – забуянили мужики. – Поймаем бегемота – хорошие деньги дадут! На опохмел хватит!

Тут Фёдор вообще растерялся, не понимая, в своём ли уме его друзья. А всё дело было в цирке-шапито, который приехал в деревню: запили циркачи и бегемота потеряли, сбежал бегемот, а им без бегемота возвращаться нельзя.

В общем, бегемот по наводке Фёдора был отловлен. Долго смеялись циркачи, а потом рассказали другую историю,

имевшую место в другой деревне. Выпустили они слона на прогулку, а тот в лес ушёл. Другой Федька пошёл с ружьишком поохотиться. Ну, тоже поутру не совсем трезвый. Видит: слон. А приученный к общению с человеком, милый и дружелюбный слон видит Федьку и радостно направляется к нему. Федька бегом, слон – за ним! Так и бежал до самой деревни, не веря, что за ним бежит слон, а не нечисть какая-то. С тех пор – ни-ни в рот!

Как баба мужа с кобелём перепутала

После развода Татьяна долго была безмужней. Отвыкла от мужского плеча. Сама строила дом. Правда, отец помогал. Когда дом был готов, переехала туда с сыновьями и огромным псом Беркутом. Кобель часто позволял себе заходить в дом. Особенно, когда был голодным. Бывало, утречком тихонько протопает в спальню хозяйки и давай мордой тыкаться, мол, просыпайся, корми меня.

И вот, Татьяна, будучи в возрасте «бабаягодкаопять», вышла замуж во второй раз. Сразу мужу сказала: «Я так напахалась за жизнь, что очень хочу отоспаться!» Спала несколько дней. Молодожён аж забеспокоился: подойдёт, глянет – спит его Татьяна. А один раз не выдержал и решил приласкаться к жене, а она, не открывая глаз, как треснет ему по морде, бормоча: «Пошёл вон, я тебя уже кормила!» Оцепенел муж от такой ласки, но решил во второй раз попытать счастья: тычетя носом в лицо, ищет губы, а жена: «Ну, уйди, ничо не дам!» Обиделся. Оставил Татьяну в покое.

А когда та проспалась, рассказала ему, что ей сон снился, как голодный Беркут её будил...

Молочная песня для Маши

Каждое утро Мария просыпается ни свет ни заря, чтобы услышать молочную песню. Мир замирает, и с каждого двора слышен звон молока о подойники. Маша любит молоко и Корову. Каждое утро провожает свою любимицу на пастбище и каждый вечер встречает её. В одно утро она проспала и долго бежала за Коровой с литровой кружкой, причитая: «Ну, может, у неё хотя бы пена для меня осталась?»

А по вечерам проходит особая церемония встречи с Коровой. Мария обнимает её массивное тело и начинает нараспев приговаривать: «Ты такая красивая Корова! У тебя такая красивая шёрстка! У тебя такие красивые копытца, они похожи на каблуки! У тебя самые красивые в мире коровьи глаза и самые длинные ресницы!» Корова млеет от ласковых слов, а потом её глаза наполняются слезами. Огромные коровьи слёзы падают в землю...

Охота на туманы

Охотилась на туманы. Оказалось, пять утра – это поздно-вато для такого вида охоты. Туманы отступали быстрее, чем я к ним ехала. Мой старенький велосипед дребезжал на колдобинах, грозя развалиться. Туманы ушли через луга к реке и истаяли вмиг у подлеска. Желаемая фотография не получилась.

Ничего не оставалось, как засесть в кустах у реки и слушать утро. В паре километров от меня гремело село – петухами, коровами, козами, собаками, гусями... Было ощущение, что все вмиг решили заголосить на этом ковчеге, оставшемся на суше, когда отступило туманное море. А рядом – звенели коноплянки, взлетая и падая в рыжие в первых лучах солнца травы, то там, то тут раздавалось встревоженное крикание диких уток, дремавших в камышах.

Если долго смотреть на степь – тихую, замершую в утренней неге, – то она становится похожей на море. Большое море, упирающееся в горизонт... Я смотрела на степное море, а на берегу моря сидел далёкий и любимый человек, который в своей медитации водную стихию превращал в степь. И казалось, мы слышим один и тот же бриз, похожий на трепет.

А потом я собирала цикорий на лугах, набивая карманы едва проснувшимися сиреневыми цветками. Крутила скрипящие педали велосипеда, поднимаясь на песчаный бугор,

и выехала прямо к стаду коров, с которым лихо управлялся молодцеватый бодрый пастух; и он отвесил мне приветствие с привкусом мёда: «Откуда ты, степная фея?» Я навела на него объектив фотоаппарата, он застеснялся, я пробормотала подбадривающее, мол, выглядишь, как настоящий герой, шёпотом добавляя «не моего романа», а мужик у палисадника крикнул: «Ну усё, теперь тебя в раённой газете напечатают».

Добравшись до дома, заварила чай из цикория. Было так хорошо сидеть на скамейке с ароматной чашкой, попивая слегка горький цветок и отогревая в нежных лучах солнца заледеневшие от утренней росы ноги... Спал Дом, закрыв глаза-окошки ставенками. А в Доме безмятежно спали дети. Только отец не спал, он во дворе точил косу (моему уху так приятна эта мелодия!), чтобы поехать на луга: сенокос! И теперь я осознаю, что это была охота не на туманы, а на моменты счастья.

Бобр или бобёр?

В Большом Морце и округе нашествие бобров. Некоторые мужики завязали с водкой, пробудили в себе охотников и перешли на здоровый образ жизни и бобровый иммунитет – говорят, что это «древняя виагра», даже круче и полезнее, потому что сохраняет молодость; когда-то склянка целебной жидкости стоила как три коровы. А бобр – это и мясо, и напиток, хоть и противный, но полезный, и мех.

Охотиться на бобра я не собиралась. Возвращались от источника святой Параскевы, увидела, как около насыпной плотины плещется рыба: руками можно собирать. В общем, попросила я брата Ивана остановиться, выпрыгнула из машины и скатилась по рыхлой земле прямо к мелководью. Смотрю – кто-то тут до меня рыбу ловил... и даже понакусывал... Только я потянулась к живой рыбе, ухватила одну, как Ванька закричит: «Ленка, уходи оттуда, там бобр!» Ну, а я-то что, наоборот, мне интересно: бобрик же – это маленькая, очень миленькая пушистая зверушка, по моему представлению. Я рванула к зарослям, туда, где шуршание... И! И! И! Не-е-ет! Нет! Бобр – это н-н-не-е-е маленькая и миленькая зверушка! Он большой, как свинья! Он... страшный! Стоит, рыбину в зубах зажал, смотрит на меня удивлённо, а я заморожённо – на него, тоже свою рыбину зажала, в руках... В общем, сверлим друг друга взглядом, изучаем

и не шевелимся... Брат, выкрикивая «Ленка, он кусается!», начинает осыпать бобра глыбами спрессованной, но рыхлой земли: удар зверю в бок... удар в голову... бросил добычу... развернулся и пошёл (!) к высоким камышам... Ванька бежит ко мне, на бегу захватывает комки и бросает в бобра... На очередном выкрике «Ленка» зверь остановился, развернулся, внимательно посмотрел на меня, потом на Ваньку. И скрылся в камышах.

Свою рыбину я оставила в воде. Для бобра. Это его вотчина. Мне достаточно той пищи, что теперь я знаю, как выглядит этот зверь в дикой природе.

...Потом, уже в машине, брат, хохоча, расшифровал взгляд зверя: «И что это за Ленка, из-за которой мне п...лей досталось?!»

По дороге домой дети – Кристина, Витя и Настя, затеяли спор: как правильно говорить – бобр или бобёр. Я встряла:

– Бобр – зверь. Бобёр – мех.

– Нет, – возразил мудрый Витька. – Бобр, да, зверь, а вот бобёр – это мат. Как и где он применяется, сказать не могу, потому что от мамы получу п...лей!

Алка, его мама, приготовилась среагировать затрещиной, но сын обезоружил:

– Последнее слово – не моё! Это я папу процитировал!

– Витька, ну ты бобёр! – в один голос сказали мы. И все рассмеялись.

– Не в этом случае говорят «бобёр», – возмутился Вить-

ка, будто он не Витька вовсе, а целый Виктор Иваныч, чем вызвал очередную волну смеха.

Три разноцветных луны для меня

Душной бессонной ночью бродила в белом «саване», простоволосая, по морецким длинным улицам, тревожа цепных псов. Где-то вдалеке лес и болото гудели многоголосием. Рядом пищали комары. Хорошо, что у меня «дурная» кровь, как говорит батя, и они меня не кусают. Село спало. А я бродила всласть, тревожа двортерьеров. Как это делала много-премного раз в своей жизни. С неба для меня светили три разноцветных луны. В Большом Морце такое часто бывает...

Цыплят по осени меняют

В Большом Морце случилась беда. Проливные дожди вымочили картошку. Мало того – саратовское водохранилище от переизбытка воды открыли, чем усугубили критическое положение огородников. У многих на участках стоят болота. Рай для комаров и мошек. И вот приходит сегодня мой одноклассник Мишка к моему брату и говорит:

– Ванёк, смотрю, у тебя картошка выжила... А я тут цып-лаков прикупил. Давай меняться: цыплака на ведро картошки будущего урожая...

Подумал-подумал мой брателло: цыплёнка надо ещё выкормить и вырастить, а тут сокольё низко летает, ласки, хорьки и куницы шныряют и отвечает Мишке:

– Не, дружище, осенью буду менять картошку на курятину...

Папин гараж

Самое интересное место в нашем дворе – это папин гараж. Сначала там стояла голубая «Волга» с оленем на капоте – такой машины ни у кого не было на селе, а папа на неё заработал на вольном поселении, где по молодости отбывал наказание за драку, потом бежевые «Жигули», потом... должна была стоять «Нива», но деньги обесценились, и мы стали жить бедно. Больше никогда у папы не было легковой машины. Но зато он изобрёл аэросани – чудо техники из мотоцикльной люльки на лыжах, которые летом заменялись колёсами, и с огромным винтом. На аэросанях папа ездил на рыбалку. Много народу переходило к нам в гараж, чтобы увидеть это изобретение, приезжали даже желающие купить за большие деньги, но папа не продал, за что мама иногда его пилила.

Я часто копалась в папином гараже. Болты, гайки, шурупы, разные детальки мне казались необыкновенно красивыми. Из некоторых я даже умудрялась делать себе подвески и серьги, нанизывая их на нитки.

Для вдохновенья

Каждое утро крестница Настя дарит мне лилии и ромашки. Вся комната в цветах. Примечательно, что я ей не рассказывала, что именно эти цветы люблю... да и вообще давно никому об этом ни-ни, так как не спрашивают, дарят розы и – баста!

В одно утро сижу на пороге, позевываю, бежит Настя с ромашками и радостно кричит:

– Лена! Принимай цветы!!!

А у меня уже все вазы и банки заняты. Говорю я крестнице:

– Настя, давай-ка сегодня я на всех ромашках буду гадать на «любит – не любит».

Девчонка с удивлением смотрит на букет, потом на меня:

– Чо-то многовато у тебя тех, о которых ты хочешь знать – любит или не любит...

Я не успеваю найти ответ, как Настя огорошивает серьёзной мыслью:

– И потом, если любит – так любит, не любит – так не любит. Ромашки тут не помогут... Поставь-ка их на рабочий стол для вдохновения!

Клоунесса и вертихвостка

Настя, увидев меня в сиреновом комбинезоне, говорит:

– Хорошо, что не красный.

– Почему? – спрашиваю я.

– А то на клоуна была бы похожа, – отвечает она, потом добавляет: – А тебе не интересно, что я думаю о тебе?

– Ты – вертихвостка. Про таких, как ты, так в Морце говорят.

Вечером, наблюдая, как я намазываю ночной крем на лицо и тело, Настя спрашивает:

– Чо, от комаров что-ли?

Опростоволосился

Витьке, отличнику, поручили важную миссию: прочитать стишок на вечере выпускников. Что он и сделал с честью и достоинством. Но потом...

– А потом вышла неприятность! – заговорщицки делится он со мной. – Я наступил на провод, микрофон грохнулся, раздался ужасный треск и...

– И тут ты, наверно, сказал плохое слово на «ять», – догадываюсь я.

– Да!!! – не удивляясь моей прозорливости, соглашается Витька и продолжает: – Это не так страшно, страшно то, что я потом в адрес школы сказал: «Эх, не видать мне золотой медали...»

Папин чай

Самый вкусный чай был в огромной, с коричневым налётом папиной кружке. И это не поддавалось объяснению. Папа не разрешал чистить свою бадью, в которой чай кис с утра, как говорила мама, но это не портило вкус потрясающего напитка, который умел готовить только мой отец.

Он просыпался рано утром, наводил свой чай, пил одну кружку, наводил вторую, оставлял на столе, накрыв полотенчиком, – может, кто-то из детей перед школой выпьет. И мы с братом боролись за эту роскошь.

Недавно папина кружка прохудилась. Ещё бы! Ей было чуть больше тридцати лет. И я купила новую литровую кружку, чтобы детство не кончалось.

Экскурсовод Настя

– Лена! Зря мы сюда приехали: всё тебе надо посмотреть, сфотографировать и всех расспросить... Мы так до речки не доедем!!! – возмущается Настя.

– Представь себе, что ты экскурсовод и сейчас должна рассказать мне о Большом Морце, показать достопримечательности... – соглашается крестница.

– Хорошо, договорились! Ну, школу мы уже увидели, вон церковь, а сейчас я покажу магазин, где мы сможем купить конфеты и сок и поехать на речку.

Сельская драматургия

Обычный диалог в сельмаге:

- Мороженое есть?
- Есть! Какое дать?
- Дайте подешевле...
- Пиво есть?
- Есть! Какое дать?
- Дай-ка подешевше...

Как папа учил меня есть хлеб

Я люблю есть в одиночестве, подперев тяжёлую голову рукой. Благодатное время для размышлений. Этому меня научил отец. Он многому меня научил, кроме одного...

С малых лет не ем хлеб. Папа, детство которого пришлось на послевоенный период, никогда не мог этого понять, рассказывал, как баба Настя пекла лепёшки из лебеды, а кусок хлеба был пределом мечтаний, и ставил меня в угол с ломтём, наставляя: «Как съешь, так и выйдешь!» Доходило до того, что он заставлял меня есть с хлебом арбуз, макароны, манную кашу. Папа, отмечая мою худобу, ворчал: «Голодающее Поволжье!»

В углу я быстро бросала кусок хлеба за шкаф и со словами «вот, съела» полноправно выходила на свободу. Это продолжалось пару лет, пока у нас не завелись мыши. Папа с мамой отодвинули шкаф, и – преступление, а иначе в глазах отца это не могло смотреться, было раскрыто. Наказания не последовало, поскольку папа был настолько растерян от этого святотатства, что просто махнул рукой и ушёл.

Прошло много-много лет. Папа приехал ко мне в Ереван. Сядя за стол, на котором никогда не было хлеба – я просто забывала его купить, он с грустью отметил: «Так я и не научил тебя уважать хлеб!»

Витька готовит «волшебно»

– Тёть Лен, чем мне заняться? Тёть Лен, ну чем мне заняться?!! – канючит Витька.

– Мужчины сейчас займутся мясом, а ты иди побегай... – отвечаю я и ловлю растерянный пацанячий взгляд.

– А я кто?! – с укором вопрошает Витька.

Тут уже теряюсь я, мне становится стыдно перед мальчишкой.

– М-м-м... – пытаюсь выкрутить ситуацию. – Пока мужчины занимаются мясом, ты сбегай за сардельками – будешь девчонок кормить!

...Теперь Витька всем говорит, что готовит он «волшебно» (тётю Лену цитирует!). И каждое утро пытается накормить меня.

Если я кукукнусь...

В детстве я очень боялась.

Вела я себя неплохо, но очень активно, потому что мир был таким интересным. Когда я чуть-чуть подросла, к Лемешкино было приписано еще одно географическое место – Лошки. Там жили повзрослевшие умственно отсталые. И тут уже родители «отправляли» меня дальше по этапу: «Вот отдадим тебя в Лемешкино, а оттуда прямой путь только в Лошки!» Сейчас меня поздно отдавать в Лемешкино и Лошки... Хотя... вот недавно соседка бабка Тайка «кукукнулась», говорит мне мать. И стоит бабка Тайка с чемоданом каждую ночь под фонарём на автобусной остановке – знает, что ей куда-то нужно съездить, а вот куда – не помнит... И подумалось мне, если я «кукукнусь», то тоже буду стоять с чемоданом или с рюкзаком на остановке, или, скорее, идти, идти, идти. Останется только одна память – память ног и мышц и жажда дороги...

Старьёвщик

Вспомнила странную ночь... Лежа в спальном мешке в кратере осеннего Арагаца и чувствуя холод, который пробирал до костей, я пролистывала в памяти страницы детства. Почему-то память воскресила одного старичка. Жалкий, понурый, он часто проезжал по нашей деревне на скрипучей телеге. Колымагу волочила старая лошадь-доходяга. Мне всегда казалось, что человек и лошадь однажды умрут в один день.

Я ждала старика, сидя на скамейке. Этот странный человек владел волшебным ящиком, в котором хранились... сосательные петушки и свистульки. Завидев издали колымагу в клубящейся пыли, я бежала во двор с криками: «Мама, мама! Собирай тряпки!» Мама давала мне охапку одежды, и я бежала к старику, чтобы получить волшебную свистульку – голосовую планку из разобранного баяна...

Сталь начинала петь, когда я с вождением прикасалась к ней губами. Старик вымученно улыбался. Как бы ему хотелось разделить детскую радость...

...Для меня история старьёвщика началась в тот день, когда взволнованная мама собрала первый мешок одежды и произнесла непонятную фразу: «Это для погорельцев». А отец сказал: «Такое с каждым может случиться!»

Дом с солнышками

Дом, в котором мы родились, папа построил собственными руками. Потом мы, три отпрыска, посадили три тополя и много лет соревновались, чьё дерево выше, сильнее и красивее. А дом у нас с солнышками...

Мне всегда казалось, что у русских домов есть глаза с красивыми ресничками – это окна с резными ставенками. Над нашими ставенками папа вырезал солнышки... Наша весна начиналась с покраски солнышек в красный цвет. Помню, как это сдруживало нас. И уже было не до споров, чей тополь выше, сильнее и красивее...

Отец и море

У отца всегда была тоска по морю, которого он никогда в жизни не видел. Он мечтал стать моряком. В детстве, слушая его рассказы, я часто думала о том, как бы эта стихия подошла к его голубым глазам.

Он мечтал стать моряком, но был четырнадцатым и самым младшим ребёнком. Его отец умер в возрасте сорока лет. Мой папа должен был остаться с матерью и заботиться о ней в старости. На его глаза наворачиваются слёзы, когда он смотрит на пшеничное море.

Сокровища

В детстве мы с братом мечтали найти кувшинчик с золотом, закопанный каким-нибудь нашим прапрадедом. И чего только не находили, поддавшись этому увлечению! Исследовали заброшенный двор давно почившего деда Алёшки и выяснили, что он делал прялки – красиво выточенные детали из берёзы и латунные колечки, которые мы считали золотом, стали для нас самыми заветными сокровищами. В другом сарае мы обнаружили сундук со старыми письмами и фотографиями и часами там засиживались, зачитываясь и разбираясь в перипетиях судеб родственников, которых мы не видели или застали уже в глубоко преклонном возрасте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.